

ЛАТЫШСКИЙ СОЛОВЕЙ

— Умрет, перекирчится, — сердобольно покачивали головами соседи, прислушиваясь к несмолкаемому плачу новорожденной девочки.

— Не умрет, певичей будет, — отшучивались родные.

Когда младенческий плач через несколько лет сменился мелодичным пением крохотной Эльфриды — к этой шутке начали относиться серьезно: в семье любили пение, музыку и театр и во-время сумели понять незаурядные способности ребенка. Эльфрида учится игре на рояле, посещает концерты, оперу, театры. С детских лет свяжается девочка с мыслью о том, что она будет певичей, артисткой.

Потом наступает перелом: теньевые стороны жизни артистов в буржуазной Латвии не остаются скрытыми от чуткого подростка. Закулисные интриги. Нет! Этого Эльфрида не хотела. Она привыкла уважать строгую и честную жизнь своей небогатой семьи; она мечтала не о «карьере», а о благородном труде артиста; не о легкой жизни, а о семейном уюте, созданном трудом своих рук. Это несовместимо? Ну, так не надо: она не будет артисткой.

И все же с 17 лет она начинает учиться пению. Почему? Потому что не может не петь соловей; потому что молодое и чистое сердце не может не верить в торжество справедливости: — народ услышит меня, если я этого достойна.

— Я отказываюсь тратить на вас время, — говорит ей ее учитель, профессор консерватории П. Сакс. — Кому нужен голос, которого никто не слышит?

В 1938 году Эльфрида Пакуль впервые выступает перед микрофоном. Она выступает в благотворительных концертах. Вопрос: сколько вам заплатят? — приводит ее в замешательство. Через год она дает свой первый концерт.

— Голос хороший, — идут разговоры в кудуарах, — но толку из нее не будет: горда, кланяется не любит. В оперу ей не попасть: такие себе дорогу не пробивают!

Исключительное вокальное мастерство, обаяние, гибкость и подвижность голоса, безкоризненная чистота звука и благородство вокальной интерпретации — так характеризует заслуженную артистку Латвийской ССР Эльфриду Пакуль музыкальная Москва.

«Это певича большой культуры, широкого творческого диапазона, великолепная стилистка, обладающая не только исключительными вокально-техническими данными, но и глубоким артистизмом, для которого высокая техника служит лишь средством, но не самоцелью», — отзывался об Эльфриде Пакуль заслуженный деятель искусств профессор Н. Райский, руководитель вокальной кафедры Московской Государственной консерватории им. П. И. Чайковского.

Эльфриду Пакуль привлекает раскрытие внутреннего мира человека. Вот почему она любит роль Виолеты в «Травиате». Глубина чувств, благородство души, которое надо раскрыть перед слушателем захватывает артистку. Но это лишь одна сторона задачи: воплощением в артистическом образе певича стремятся проникнуть в душу слушателя и зрителя, заставить ее зазвучать ответно всеми струнами, отозваться всей гаммой человеческих переживаний, от радости до высокого трагизма.

— Пятилетие Советской Латвии — это и мой артистический пятилетний юбилей, — говорит Эльфрида Пакуль, солистка Государственного театра оперы и балета. — К праздничным дням мы готовим новую кантату композитора Грюнфельда. Потом — гастроль в Москве, Ленинграде. К будущему сезону готовим «Севильского цирюльника», «Риголетто»... Работы предстоит много.

Букеты сирени украшают тихую уютную комнату. Книги, художественные рукоделия; портрет товарища Сталина на столе.

...Нелегко уложить в короткий рассказ события последних лет. Так

много было городов, дорог и встреч; так много преодоленных трудностей, новых мыслей и чувств. Так много было работы.

Суровые и трудные месяцы сорок первого и сорок второго годов. Ивановская область. Эльфрида Пакуль поет по-латышски. Быть может впервые звучит тут латышская песня. И в этих маленьких русских городах слова: «дружба народов» облекаются плотью и кровью. Они — не отвлеченное понятие, но аплодисменты ивановских девушек, благодарная улыбка раненого бойца. 250 концертов дала в тот год Эльфрида Пакуль в подшефных госпиталях. Это было лучшей поддержкой в те трудные дни: стыдно было думать о неудобствах быта, предаваться тоске по оставленному дому, при виде стойкости, с которой переносили свои страдания эти молодые герои. Трудности и лишения, жизнь и работа, оправдывались искрой радости, мелькавшей в глазах раненого, когда артисты входили в палату.

Май 1942 года. Вызов в Москву. Заботливым вниманием правительства Латвии, дружеской помощью встретила Эльфриду Пакуль Москва. Разве можно забыть теплое внимание Ирины Яунзем; товарищескую поддержку артистов московской оперы, когда без репетиции пришлось выступить в «Травиате»? Разве можно забыть о том, что на творческий вечер молодой латышской певичи пришли на весь мир прославленные артистки — Нежданова, Барсова?

В блокнот заносит Эльфрида Пакуль даты своих выступлений и гастролей; она поет по радио для Москвы, для Латвии, для фронта. Ее голос слушают в Англии и Америке. Она выступает в концертах — по два, по три раза в день: Большой зал консерватории, Дом Ученых, клуб железнодорожников, зал Чайковского. Поездки по Московской области; в знакомое уже Иваново; в запасной полк Латышской дивизии. Сотни воспоминаний, впечатлений, человеческих лиц встают в памяти при взгляде на краткие записи в блокноте. Февраль 1943 года. Полет в Ленинград. Он не был ни легким, ни безопасным: только что прорвана

блокада; первые подарки страны направляются в город-герой, и среди них — гастроль бригады артистов из Москвы: Флиер, Яхонтов, Пакуль. На всю жизнь запомнятся эти десять дней. Но как о них рассказать? Какими словами передать романтику концертов на кораблях Прибалтийского флота? Встречи с героическими защитниками Ленинграда — солдатами, генералами, женщинами? Как описать ненависть к врагу — там, в осажденном городе, ставшую осязаемой, как вой снарядов, безжалостно рвущих прекрасное его тело?

...Два турне на Урал. Горький, Киров, Молотов, Свердловск... Города, носящие великие имена; города, кующие великую победу. Забудется утомление переездов, неудобства пути. Но не забыть напряженного, военного пульса жизни; теплоты приветствий: встреч с эвакуированными латышами, москвичами, ленинградцами, жадно ловящими каждый звук песни и каждое слово беседы.

Поездка на фронт. Латышская дивизия под Демьянском. Тряские фронтовые дороги, грозный гул боев, родная латышская речь и мечты вслух о возвращении домой...

И вот он — дом! Над башнями Риги, над молодой зеленью, над красными знаменами вновь безопасна мирная синева небес. Новая весна — весна победы — залила город торжествующим запахом сирени.

Теперь уже в Ригу прибывают письма от знакомых людей. Русский юноша Василий Шитов из покоренного города Эльбинга пишет Эльфриде Пакуль о том, как ее голос — голос Отчизны — вел его по трудным фронтовым путям.

Много их, этих писем в конвертах или завернутых треугольниками, на открытках и на клочках бумаги. В них — корявых и неуклюжих — так много тепла, такая жажда красоты, такое высокое понимание искусства. В них — признательность народа-победителя артисту, который помог победить. В них — ожидание и желание:

— Пой дальше, латышский соловей, советская артистка Эльфрида Пакуль!

Мира Крупникова.

ЯТ01538. Заказ 2473.

Адрес редакции: Рига. Мельничная, д. № 57. Тел. № 2707. ВАПП типография № 2. Р

СОВЕТСКАЯ ЛАТВИЯ
г. Рига

25 ИЮН 1945